

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВО ВРЕМЕНИ.
МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ И МОНАРХИЯ КАРАГЕОРГИЕВИЧЕЙ
ГЛАЗАМИ МИРОСЛАВА КРЛЕЖИ (1925 Г.)

Сергей Романенко

О “Поездке” вообще¹

Мирослав Крлежа предпринял свое путешествие в феврале-мае 1925 г., а летом 1926 г. в Загребе, после публикации почти всех входящих в нее текстов в хорватских газетах и журналах различного политического направления,² вышла в свет и отдельная книга.³ Однако описал Крлежа в ней не только Россию, но и страны, которые он проезжал на пути в Москву. Это была Европа, созданная Версальским договором и сопутствовавшими ему Сен-Жерменом, Нейи, Трианоном и Севром в 1919-1920 гг., а также советско-литовским и советско-латвийским 1920 и советско-польским 1921 гг. договорами. Иными словами, это была Средняя Европа новых национальных государств – вместо Средней Европы, разделенной между тремя империями – Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов.

Книга “Поездка в Россию”, да и сама поездка Крлежи сразу же стали не только историко-культурным, но и историко-политическим феноменом, поскольку пребывание в СССР и книга по его итогам сразу же после своего опубликования, да и впоследствии на несколько десятилетий стали символом, с одной стороны, творческой свободы художника,

¹ Обыгрывается название первого текста М. Крлежи, входящего в книгу “Поездка в Россию” – “О путешествиях вообще”.

² Первоначально Крлежа публиковал свои тексты по отдельности в трех хорватских изданиях различной политической направленности – журнале “Književna republika”, газетах “Obzor” и “Hrvat”. Для книжного издания они были им существенно переработаны автором.

³ Единственное издание первоначального текста: Krlježa M. Izlet u Rusiju. Zagreb, Izdanje Narodne knjižnice, 1926. Все последующие издания уже в социалистической Югославии были отредактированы, сокращены и переструктурированы М. Крлежей.

с другой, – границ дозволенного независимому интеллектуалу как в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС, провозглашено 1 декабря 1918 г.), так и в социалистической титовской Югославии и в социалистическом сталинском и послесталинском СССР.

“Поездка” была написана на переломе двух исторических эпох, и стала знаменем разлома – войны и мира, двух миров и мировоззрений, прошлого и будущего, двух историко-географических регионов – Средней и Восточной Европы. Исходя из своих политических убеждений, автор подвел в ней политический, эстетический и нравственный итог развитию мира, Европы, своего народа – хорватов и собственным искажениям на момент написания текстов и завершения работы над ними, т.е. 1924-1926 гг.

“Поездка” развивала темы, намеченные Крлежей в 1917-1926 гг. не только в его публицистике, но и в беллетристике и драматургии.⁴ В то же время книга стоит особняком, завершая определенный этап творчества и идейного развития писателя. О тематике и жанрах его публицистических, журналистских и литературных произведений тех лет и о месте в них темы войны и мира с резких антивоенных позиций, Австро-Венгрии и династии Габсбургов, Королевства СХС и династии Карагеоргиевичей, а также России, Октябрьской революции, Ленина, СССР достаточно красноречиво свидетельствуют их названия.

⁴ Крлежа, Мирослав (1893-1981) обучался в гимназии, кадетском корпусе и военной академии “Людовичеум” в Будапеште (исключен в 1913 г.). В июле–августе 1916 г., служа в австро-венгерской армии на фронте, стал свидетелем “брусиловского прорыва” на Русском фронте в Галиции. Вскоре он по состоянию здоровья был освобожден от военной службы и возвратился в Загреб. В 1917-1918 гг. Крлежа сблизился с Социал-демократической партией Хорватии и Славонии, которая в 1918-1919 гг., подобно социал-демократиям многих других стран, раскололась на реформистов и революционеров. Он принадлежал к революционному крылу, которое в 1920 г. образовало КПЮ, входившую в Коминтерн. Однако вопрос о его членстве, т.е. о формальной принадлежности к КПЮ до сих пор не прояснен и является предметом дискуссий хорватских исследователей. В конце 1930-х–1940-е гг. руководство КПЮ, в частности – и сам Йосип Броз Тито, обвиняло Крлежу в “троцкизме” и “ревизионизме”. В 1948-1953 гг. Крлежа сыграл большую роль в контрпропагандистской кампании югославской стороны по защите КПЮ и лично Тито от обвинений со стороны Сталина. Подписав в 1967 г. “Декларацию о названии и положении хорватского литературного языка” Крлежа впал в немилость. Однако в 1971 г., после символического “наказания” промолчал, когда Тито громил национально-реформистское движение Хорватская весна. Их близкие личные отношения, несмотря на возникавшие политические разногласия, сохранялись на протяжении всей жизни. В 1964 г. М. Крлежа выдвигался на Нобелевскую премию по литературе.

“Поездку” можно рассматривать как *литературное произведение, с точки зрения филолога*. Структура книги весьма своеобразна; на первый взгляд, это – подборка разножанровых и тематически частично или вовсе не связанных между собой текстов, собранных автором под одну обложку. Книга открывается публицистическим текстом “О путешествиях вообще”, который представляет собой конспект всей книги, в котором намечены многие из ее главных сюжетных линий. Затем автор на несколько десятков страниц погрузился в описание довоенного периода и военных лет Австрии и Германии, а также в рассуждения о Королевстве СХС, лидере демократического фланга хорватского национального движения Ф. Супило, “интегральном югославизме” – официальной идеологии созданного 1 декабря 1918 года под скипетром сербской династии Карагеоргиевичей общего государства южных славян и хорватско-сербских отношениях, сопровождаемые собственными воспоминаниями и впечатлениями, политической и эстетической полемикой со своими оппонентами конца 1910 – начала 1920-х гг. Совершив этот обширный экскурс по Средней Европе и ее истории, автор приступил к непосредственному описанию своего путешествия в Россию, начав с путевых зарисовок о трех странах, лежавших на его пути в СССР (кратких – о Польше, более обстоятельных – о Литве и Латвии), о пограничном в политическом, мировоззренческом и культурном отношении мире, а также русских за границей – как эмигрантах, так и внешне лояльных советских гражданах.

Однако во всем этом есть не только журналистская (описание увиденного своими глазами в поездке от начала до конца), но и композиционная (от быта – к идеологическим и историческим обобщениям) логика. Очерки и репортажи в исполнении Крлежи часто выходили за рамки этих традиционных журналистских жанров (“Венские впечатления”,⁵ “Берлинские впечатления”, “По печальной Литве”, “В спальном вагоне Рига-Москва. Примеры современной социальной мимикрии”, “Кремль”, “Ленин на московских улицах”, “Пасхальная ночь”, “Приход весны”), высокохудожественная беллетристика с элементами драматургии в чеховском духе⁶ (“На далеком Севере”, “Маска адмирала”), политическая публицистика (“О путешествиях вообще”, “Разговор с тенью Франа

⁵ Здесь и далее названия текстов и цитаты из “Поездки в Россию” приводятся по русскому изданию 2005 г. *Крлежа М.* Поездка в Россию. 1925 / Пер. с хорв. Н.М. Вагачевой / Комментарий и послесловие С.А. Романенко / Заключительная статья Н.А. Афанасьева. М., Гелеос, 2005. Далее – Поездка.

⁶ *Višković V.* Krležoški fragmenti. Krleža između umjetnosti i ideologije. Zagreb, Konzor, 2001. S. 94-95.

Супило”, “В Дрездене. Мистер Ву Сан Пэ интересуется сербско-хорватским вопросом”, “Размышления об Азии и Европе”, “Несколько слов о Ленине”, “В музее русской революции”), и художественная и театральная критика (“Кризис живописи”, “Театральная Москва”). Автор не стремился строго соблюдать чистоту жанра и в его беллетристические тексты, органично вплеталась публицистика, которая, в свою очередь, перемежалась с личными воспоминаниями и т.д.

Тексты, представленные в “Поездке в Россию” не только жанрово, но и тематически и сюжетно очень разнообразны. Казалось бы, какое отношение к России имеет описание проблем общественной и художественной жизни послевоенной Австрии (“Венские впечатления”) и веймарской Германии (“Берлинские впечатления”, “Кризис живописи”) или описание проблем хорватской политики и истории в рамках монархии Габсбургов или пришедшей ей на смену монархии Карагеоргиевичей (“Разговор с тенью Франа Супило”)? Однако именно это позволяет автору сравнить мир и войну, мир старый и мир новый, монархию Габсбургов, монархию Карагеоргиевичей и Советскую Россию, которые были связаны между собой не только поездкой автора в Россию, но и его мыслью, и его судьбой.

Помимо жанровых особенностей, следует отметить и чрезвычайно богатый и сложный язык автора, отражавший строй и методологию его мышления и противоречивость мыслей; язык, полный сочных метафор, эпитетов, сравнений, перифраз, гипербол... К этому следует добавить и ироничный стиль изложения, мастерски переданный переводчиком “Поездки” на русский язык Н.М.Вагаповой.

Содержание этого литературного произведения и его структура делают “Поездку” ценным, неповторимым и необычайно сложным *историческим источником*, в котором важен не только сам текст, но и исторический контекст и полемический подтекст. Без знания и понимания этих моментов текст остается непонятым.⁷ Это – свидетельство современника о жизни Средней Европы до, во время и после Первой мировой войны, о жизни в СССР (Советской России), в момент, когда решался вопрос о том, по какому пути поедет развитие страны.

Свою “Поездку” Крлежа не ограничил собственным физическим перемещением в пространстве по маршруту Загреб – Вена – Берлин – Рига – Москва – Вологда – Москва... Интеллектуально и психологически автор (а за ним – и его читатель) путешествовал и во времени, поскольку

⁷ См. комментарий С.А. Романенко к русскому изданию М. Крлежи: Поездка. С. 281-356.

его текст содержит массу фактов и размышлений, относящихся и к истории хорватов и Хорватии, и к истории Австрийской (Австро-Венгерской) империи, к истории всей Европы, в особенности Европы Средней, начиная с раннего Средневековья, вплоть до начала Новейшего времени, и к истории Российской империи. Крлеже удалось создать образы не только политических деятелей, ученых и художников (в широком смысле этого слова), но и образы народов и государств, образы городов, а также образы различных исторических эпох, прежде всего той, к которой принадлежал он сам – конец XIX-начало XX вв. – предвоенная Европа, Первая мировая война и послевоенный, Версальский мир (в обоих значениях этого русского слова).

В известном смысле, некоторые тексты Крлежи из “Поездки” можно отнести и к историографии (“Разговор с тенью Франа Супило”, “Несколько слов о Ленине”, “В музее русской революции”), а самого их автора – назвать не только очевидцем событий, но и историком-летописцем своего отечества – наследником известных хорватских историков конца XIX-начала XX вв. (Ф. Рачки, Ф. Шишича, Р. Хорвата и других).⁸

В югославской и постъюгославской (прежде всего, естественно, хорватской) научной и популярной литературе редкий автор, писавший о творчестве Крлежи в целом, не касался “Поездки”.⁹ Однако специальные профессиональные исследования, посвященные “Поездке” как историческому источнику, практически отсутствуют. Не говоря уже о том, что анализируется не первое издание 1926 г., а последующие, с внесенными изменениями. Югославские авторы анализируют каждый текст “Поездки” – его сюжет и концептуальное содержание – в отдельности. Кроме того, они часто пренебрегают принципом историзма, т.е. при рассмотрении текстов 1924-1926 гг. смешивают их с более ранними и более поздними текстами Крлежи. В отечественной, российской историографии тема Крлежи и его книги практически не разработана.¹⁰ Творчество и судьба писателя до сих пор в России пока остаются предметом изучения исключительно литературоведов и историков театра.¹¹

⁸ Напр., см.: Hrvatska svjedočanstva o Rusiji. Zagreb, Suvremena naklada, 1945.

⁹ Список литературы о Крлеже и его “Поездке” см.: Krležijana. Glavni urednik V. Visković. Sv. 3. Zagreb, 1999. S. 213-372.

¹⁰ См. научный комментарий к тексту и послесловие С.А. Романенко к изданию: Крлежа М. Поездка в Россию. 1925. С. 281-356, 368-395.

¹¹ См.: Ваганова Н.М. Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. М., 1982; Ильина Г.Я. Развитие югославского романа в 20-30 годы XX в. М., 1985; Она же. Хорватский бог Марс // Первая мировая война в литературе и культуре западных и

Изучение Крлежи как политического публициста и исторического мыслителя в российской историографии только начинается. Задача данной статьи состоит не только в том, чтобы ввести в контекст отечественной историографии важный и оригинальный источник по истории Австро-Венгрии, Югославии, Хорватии и СССР (а также и некоторых других европейских стран – Германии, Литвы, Латвии). Автор предлагаемой читателю статьи стремится показать политическую и историко-софскую логику Крлежи, объяснить специфику восприятия им истории и современной ему действительности. Поэтому в данном случае книга Крлежи анализируется как *единый текст* (а не *отдельные тексты*), что дает возможность сопоставить авторские оценки и взгляды, представив их во всей совокупности, а также проанализировать систему сюжетов и образов, предлагаемых её автором. А это, в свою очередь, позволяет показать, как хорватский писатель М. Крлежа в середине 1920-х гг. видел и понимал отличие Средней Европы от Европы Восточной, Европы от Азии,¹² особенности отдельных государств и народов, в частности – хорватов и сербов, как он отвечал на вопрос “движется ли история”, что дала хорватам “национальная революция южного славянства”.¹³

Автор предлагаемой вниманию читателя статьи не ставит своей целью осуществить невозможное – проанализировать *все* поднятые Крлежей проблемы и описать все страны, затронутые в книге. В данном случае приходится ограничиться рассмотрением общих методологических и идеологических принципов Крлежи, воплощенных им при полемическом описании истории Австро-Венгрии, послевоенной Австрии, родины писателя – Хорватии и Королевства СХС. Иными словами мы вместе с Мирославом Крлежей совершим путешествие: во времени – из Австро-Венгрии – в Королевство СХС, от Габсбургов – к Карагеоргиевичам, из предвоенной Европы империй в послевоенную Версальскую Европу

южных славян. М., 2004. С. 119-126; История литератур западных и южных славян. Т. III. М., 2001. С. 596-604; Развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1918-1932. М., Наука, 1979. С. 382-421.

¹² Об особенностях региона Средней Европы, его границах, критериях и концепциях напр. см.: *Исламов Т.М., Фрейдзон В.И.* Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах. 1992. М., 1992. С. 119-133; Центральная Европа как исторический регион. Отв. ред. А.И. Миллер. М., 1996; *Hazelsteiner H.* Ogleđi o modernizaciji u Srednjoj Evropi. Prijevod s njemačkoga. Zagreb, 1997.

¹³ См.: *Ленин В.И.* Война и российская социал-демократия // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.26. М., Издательство политической литературы, 1969. С. 16.

национальных государств, от побежденных – к победителям; путешествие в пространстве – из венского Хофбурга в белградский Нови двор, а также из Хорватии в Австрию и из Загреба в Вену.

Методология путешествий и принципы их описания

В своей “Поездке в Россию” М. Крлежа выступил в двойной роли. С одной стороны, он был наследником и продолжателем хорватской традиции многочисленных путевых очерков и мемуаров, в частности – и о России, оставленных хорватскими деятелями различных исторических эпох, начиная с Юрая (Юрия) Крижанича (XVII в.).¹⁴ С другой – выступал ниспровергателем предшествовавшей ему хорватской историографии, полемику с которой начал еще в 1919 г. статьей “Хорватские литературные фантазии”. Этот текст, написанный под влиянием Фридриха Ницше, “принес Крлежа славу разрушителя национальной мифологии”¹⁵ – иллиризма, в котором он видел основу т.н. “интегрального югославизма”, ставшего официальной идеологией КСХС (сербы, хорваты и словенцы – один народ, одна нация). В связи с этим Крлежа разоблачал и т.н. “видовданский миф” о Косово и его роли в самосознании сербов и развитии сербского государства – составной элемент идеологии как сербского национализма, который официальные идеологи стремились встроить и югославский “интегрализм”. При этом он выстроил собственную “историческую вертикаль”: “богомилы – Крижанич – Краньчевич.”¹⁶ Впоследствии, в 1926 г. уже с иных, вполне марксистских позиций он продолжил полемику в статье “Несколько слов о мелкобуржуазном подходе к истории”.

В отличие от большинства авторов путевых очерков, Крлежа неоднократно обращался к своему видению этого жанра, принципам собствен-

¹⁴ Сочинение Ю. Крижанича “Политика” публиковалось на русском языке несколько раз. Первое издание см.: *Крижанич Ю.* Политика / Подготовил к печати В.В.Зеленин / Перевод и комментарии А.Л.Гольдберг/ Под редакцией М.Н. Тихомирова. – М., Наука, 1965. К этому необходимо прибавить и издание сочинения архидиакона Фомы (Сплитского) “История архиепископов Салоны и Сплита”, в полном виде осуществленный усилиями О.А. Акимовой. См.: *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита / Вступительная статья, перевод, комментарий О.А. Акимовой. М., Индрик, 1997. Впервые отрывки из “Истории” на русском языке были опубликованы в 1876-1877 гг., а в полном виде на хорватском языке она была издана Ф. Рачки в 1894 г.

¹⁵ *Visković V.* Krležološki fragmenti. S.12.

¹⁶ Подробнее об этом напр. см.: Там же. S. 14-52. — Краньчевич (Kranjčević), Сильвие Страхимир (1865-1908) – крупнейший хорватский поэт того времени.

ного изложения и его методу, а также цели написания очерков, статей и эссе, позднее собранных в книгу “Поездка в Россию”. Закаленный в “боях” второй половины 1910-х гг. полемист Крлежа с первых же страниц бросается с открытым забралом в дискуссию со своими оппонентами, представлявшими “мещанскую”, по его мнению, традицию путевых заметок.

Люди вообще склонны к пафосу, особенно ложному. Сторонники ложного пафоса не найдут в моих путевых заметках ничего для них подходящего. Я не любитель поездок, дающих повод возвышенным культурно-историческим реминисценциям... Эти мои краткие наброски лишены особых претензий в плане культурно-историческом, и особенно информационном, – явно рисуясь, писал Крлежа. – Путешествуя, я не стремлюсь к посещению соборов, да и в музеи заглядываю редко. Хочу подчеркнуть, что я предпочитаю демонстрации, уличные стычки, забастовки, паровые машины, женщин, покойников в гробах и вообще обычную неприкрашенную жизнь картинам, выставленным в залах различных Академий, а также Барокко и Ренессансу.¹⁷

Однако и в Вене, и в Берлине, да и в Москве Крлежа охотно посещал художественные выставки и исторические музеи, а описания демонстраций, стычек и забастовок в книге практически отсутствуют.

В открывающей книгу главе “О путешествиях вообще” Крлежа продолжил свою полемику и с традицией, и со “снобизмом”:

В своих записках я не буду приводить какие-либо статистические данные. Статистики хватает во всех докладах и ежегодниках... Гораздо больше, чем статистические данные, меня в этой поездке интересовали люди, человеческие отношения, настроения, движения, их освещение, их масштабы, общий климат. Я разглядывал русские церкви, и – позвольте проявить сентиментальность – прислушиваясь к шуму ветра в верхушках елей, больше думал о проблемах культуры, чем о статистических данных. [...] Пожалуй, следует особо подчеркнуть, что каждое слово написано совершенно беспристрастно. У нас изо дня в день печатают лживые и тенденциозные сообщения о положении дел в России, и я, уже несколько лет свободно и независимо отстаивающий логику русской концепции, опровергая измышления пишущей братии всех мастей и явно ангажированных незрелых умов, не вижу необходимости отступать от истины.¹⁸

Автору свойственна не только ирония, но и самоирония. К себе самому он часто относился столь же беспощадно, как и ко многим из описываемых им явлений и персонажей, независимо от их роли и места в истории, литературе или искусстве. “Мне действуют на нервы снобы и

¹⁷ Поездка. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 20-21.

мысль о том, что и я, скорее всего, тоже сноб, кому-то действующий на нервы”.¹⁹

Его самохарактеристики разбросаны по всему тексту книг; они раскрывают различные грани и этапы развития самосознания писателя. Из них можно составить его краткую биографию: “бывший императорский и королевский ополченец родом из Загорья”, “скромный статист”, и “как Ницше под Мецем” (т.е. на фронте), “богохульник и плебей”, “индивидуум, отягощенный чувством истории”, “хорватский выкрест, конвертит”, “республиканец”, “путешественник-марксист”, “порядочный европеец”, и, при всем при этом – “вынужденный и здесь зарабатывать (т.е. в Вене, за границей писать “Венские впечатления” для газеты “Хрват” – С.Р.) и весьма ограниченный в средствах”.²⁰ Мог он посмотреть на себя и со стороны, глазами других людей: “Незнакомый и антипатичный бородатый иностранный журналист (то-есть, я)”.²¹

Эволюцию мировоззрения Крлежи можно проследить и исходя из созданной им в книге портретов политиков и ученых. Как в любом литературном произведении, в “Поездке” есть свои положительные и отрицательные герои, причем положительная оценка не мешает писателю подмечать их слабости и ошибки. К положительным, безусловно, относятся три исторических деятеля: сначала это хорватский демократ Фран Супило, потом – германский философ Фридрих Ницше, в годы Первой мировой войны – германский же профессор-кардиолог и социолог, пацифист Георг Фридрих Николаи, а после ее окончания и известных перемен в Европе и мире – В.И. Ленин. Собственно говоря, каждый из этих героев символизирует определенный этап в развитии мировоззрения Крлежи. Исключительно негативно Крлежа воспринимал и характеризовал Габсбургов (в особенности Франца Иосифа), династию Карагеоргиевичей, Вильгельма II Гогенцоллерна, оппонента Николаи – германского античника, ректора Берлинского университета Ульриха фон Вилламовица-Мёллендорфа, стоявшего на позициях поддержки германского милитаризма, а также лидера сербов в Хорватии Светозара Прибичевича. К этому добавим, что определенная система положительных и отрицательных героев (не обязательно совпадающая с оценкой Крлежи) сложилась и в своеобразном “романе в комментариях”, в который превратился научный комментарий к книге Крлежи, принадлежащий автору этих строк.²²

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Там же. С. 23, 31, 32, 26,40, 66, 71, 82, 182.

²¹ Там же. С.156-157

²² Там же. С.281-356.

Для понимания книги чрезвычайно интересен ряд литературных и исторических источников, на которые опирался сам Крлежа при написании текстов, вошедших в книгу, которые прямо или косвенно упоминаются в ней, а также художественных и философских произведений, определявших в то время его мировоззрение. Многие из них были ему известны еще по годам учебы; с другими, он познакомился позднее, будучи уже зрелым человеком. Что касается его мировоззрения, то Крлежа, хотя и был близок к коммунистам, по крайней мере в начале 1920-х гг. (а может быть и никогда!) не проникся до конца идеями Маркса (хотя он и назвал себя “марксистом”) и, тем более, Ленина, восприняв лишь некоторую часть из них. В его текстах видны следы модного в то время Фридриха Ницше (“Hornvieh-Nationalismus”, “resantiman”).²³ Несколько раз он упоминал Иммануила Канта (трактат “О вечном мире”, “вещь в себе”),²⁴ а Артура Шопенгауэра назвал своим “наставником и учителем”, хотя и признавал, что не совсем понимал содержание его трудов.²⁵ Кроме того, ему, по всей вероятности, были близки и идеи вышеупомянутого Г. Ф. Николаи – “одного из самых блестящих европейских интеллектуалов”,²⁶ высказанные им в манифесте против войны, который он написал и подписал вместе с Альбертом Эйнштейном (1914) и в книге “Биология войны” (1915).²⁷

В середине октября 1914 г. вместе с А. Эйнштейном, В. Ферстером и др. Г. Ф. Николаи обратился с призывом к ученым Европы выступить против братоубийственной войны – “К европейцам” (“Aufruf an die Europäer”). Сторонниками германского милитаризма чуть ранее был опубликован другой манифест – “К культурному (цивилизованному) миру” (“Aufruf an die Kulturwelt”), собравший 93 подписи и содержавший попытку снять с Германии ответственность за развязывание войны. Профессиональный состав, подписавших этот милитаристский манифест привел Г. Ф. Николаи в “Биологии войны”. В том числе, и названные М. Крлежа в своей книге ученые и деятели культуры: П. Беренс, М. Клиндер, М. Либерман, Ф. фон Штук, Э. Геккель, В. К. Рентген, В. Де-

²³ Там же. С. 252, 275, а также С. 82 98 260.

²⁴ Там же. С. 245, 274, а также С. 246, 257.

²⁵ Там же. С. 66.

²⁶ Там же. С. 90-92, 252, 253.

²⁷ Там же. С. 90-92, 252, 253, 328, 329, 349. См.: Nicolai G.F. Die Biologie des Krieges. Betrachtungen eines deutschen Naturforschers. Zürich, 1917; Николаи Г.Ф. Биология войны. (Мысли естествоведа) / Предисловие Ромена Роллана. Л., Издание “Переводчика”, 1926.

мель, Г. Гауптман, Г. Зудерман, А. Риль, В. Вундт, М. Рейхардт, З. Вагнер и др.²⁸

Крлежа по ходу изложения постоянно, может быть, несколько нарочито, ссылаясь на многочисленных западноевропейских ученых-исследователей и философов, то в подтверждение своим мыслям, то вступая в полемику. Вот далеко не полный перечень наиболее громких имен, встречающихся на страницах “Поездки” (даны в алфавитном порядке): ученые и мыслители – Г.В.Ф. Гегель, Геродот, Р. Гильфердинг, Д. Дидро, Т. Карлейль, К. Каутский, Д. Кейнс, П. Лафарг, К. Либкнехт, К. Маркс, Т.Г. Масарик, Т. Моммзен, Г.Ф. Николаи, Б. Паскаль, Платон, Сократ, Л. Фейербах, М. Штирнер, Д.Ф. Штраус, А. Эйнштейн, Ф. Энгельс, Д. Юм; писатели – Г. Бюхнер, Г. Гауптман, Гомер, Э.Т.А. Гофман, Ч. Диккенс, Э. Золя, М. Метерлинк, Стендаль, А. Стриндберг, О. Уайльд, Г. Уэллс, А. Франс, А. Шницлер и др.

Особо следует выделить знакомство Крлежа с сочинениями теоретиков австро-марксизма – Отто Бауэра, Карла Реннера, Фридриха Адлера и других, резолюциями конгрессов I и II интернационалов, решениями съездов австрийской и германской социал-демократии конца XIX-начала XX вв., а также с политической публицистикой социал-демократов балканских стран (например, резолюциями Люблянской и Белградской конференций 1909-1910 гг., сыгравших большую роль в становлении идеологии будущей КПЮ).²⁹ А также с книгами немецкого философа, историка и публициста Освальда Шпенглера – “Пруссачество и социализм” и “Закат Европы”.

Иными словами, тексты Крлежи подтверждают, что в первые почти три десятилетия XX в. в “духовной жизни доминирующее положение заняли мыслители антипозитивистской направленности – Ф. Ницше, О. Шпенглер, К. Леонтьев, В. Соловьев, А. Бергсон, Т. Карлейль. Их идеи получили свое развитие в произведениях многих европейских художников, писателей, общественных деятелей и публицистов”.³⁰

В 1970-е гг. Крлежа так вспоминал о своем идейном становлении

²⁸ См.: Gratić G. “Veliki rat” u liku sukoba kulture i civilizacije. *Kultura sjećanja. Povijesni lomovi i svladavanje prošlosti*. 1918. Zagreb, Disput, 2007. S. 55-76.

²⁹ Istorijski arhiv Komunističke partije Jugoslavije. *Socijalistički pokret u Hrvatskoj, Slavoniji, Dalmaciji i Istri*. 1892-1919. Beograd, 1950. S. 86-159; *Zgodovinski arhiv Komunističke partije Jugoslavije. Tom V. Socijalistično gibanje v Sloveniji. 1869-1920*. Beograd, 1951. S. 192-232.

³⁰ *Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война. Исторический очерк*. М., 2002. С. 548.

как марксиста: Ницше – венгерская социалистическая печать и австрийская “Арбайтер Цайтунг” – Жан Жорес – знакомство с трудами Маркса “Святое семейство”, “Критика критической критики”, “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”, затем – “Антидюринг” Ф. Энгельса, “Манифест Коммунистической партии”, дискуссия Энгельса с Эдуардом Бернштейном и Фердинандом Лассалем, Антонио Лабриола и, в 1919-1920 гг. – В. И. Ленин.³¹

По ходу изложения Крлежа в подтверждение своих собственных тезисов, а также в обоснование правоты Ленина ссылается на целый ряд исторических событий. Однако интересен не только перечень упомянутых событий, но и не упомянутые события. Характеризуя в “Поездке” “жизнь Европы и Азии в период от Штутгарта до Базеля (1907-1912)”, т.е. перед Мировой войной, он писал, что она

проходила под знаком непрерывных кризисов, дипломатических интриг и войн (1908 – Аннексия Боснии и Герцеговины, таможенная война Австро-Венгрии против Сербии. Итальянско-турецкая война 1911 г. Агадир. Борьба народностей Австро-Венгрии за освобождение. Младотурецкая революция Энвер-бея. Марокко – Египет – Триполи. Китайская революция 1911 г. Падение маньчжурской династии. Сун Ят-Сен создает Китайскую республику. Балканская война 1912 г.³²

При этом он, однако, не назвал Вторую Балканскую войну 1913 г. между самими недавними балканскими союзниками.

Весьма знаменателен и перечень как событий, которые Крлежа упомянул, описывая жизнь Европы и мира после окончания Первой мировой войны, и Версальского договора, негативного отношения к которому писатель не скрывал “со дня его подписания”,³³ так и тех, о которых он умолчал. Обосновывая тезис о том, что окончание Мировой войны и образование Версальской системы не разрешили этнотерриториальные и иные противоречия в Европе и мире, Крлежа перечислял “около десятка европейских войн и вооруженных интервенций” с 1920 по 1924 г.:

англо-французская интервенция в России; оккупация Рура и Кельна; албанская экспедиция СХС; войны: литовско-польская, польско-русская, турецко-греческая, греко-болгарская. Фашистские акции германско-польские, риекская авантюра Д’Аннунцио, итальянская оккупация острова Корфу. Восстания в колониях. Сирия, Марокко и т.д. Весь комплекс нерешенных проблем придунайского региона и Балкан и т.д.³⁴

³¹ *Očak I.* Krlježa – Partija. Zagreb, 1982. S. 42-44.

³² Поездка. С. 251-252.

³³ Там же. С. 68.

³⁴ Там же. С. 249, 345-347

Однако из ряда тревожных событий, которые могли бы негативно отразиться на мировой политической ситуации и на внутреннем положении в разных европейских странах, из поля зрения публициста и аналитика Крлежи выпали Венгерская советская республика 1919 г., капповский путч (13-24 марта 1920 г.), события в Польше, Литве, Латвии и Эстонии 1918-начала 1920-х гг., две попытки Карла I Габсбурга в марте и октябре 1921 г. вернуть себе венгерский престол, закончившиеся его официальным низложением и ссылкой, приход к власти в Италии фашистов Б. Муссолини (27-31 октября 1922 г.), “пивной путч” А. Гитлера и Э. Людендорфа (8-9 ноября 1923 г.), государственный переворот и народное восстание в Болгарии 1923 г., участие КСХС в подавлении революции в Албании 1924 г., а также попытки Коминтерна “организовать” революции в Германии в 1923 г. и Эстонии в 1924 г., “письмо Зиновьева” и кризис в советско-британских отношениях 1924 г. Отсутствие большинства из названных мною событий в ‘перечне’ Крлежи (‘не заметить’ их было невозможно!) свидетельствует о том, что его взгляд на развитие Европы после войны во многом определялся политикой и установками руководства СССР и Коминтерна, а также требованиями конспирации в Коминтерне и КПЮ, и цензуры в КСХС.

Этническая самоидентификация у Крлежи была постоянной – он изначально считал себя хорватом и был проникнут духом хорватского патриотизма, резко отрицательно и насмешливо относясь к любому этническому национализму, будь то хорватский, сербский, немецкий, венгерский, русский или любой иной. Однако его политическое самосознание не только претерпело вынужденную историческими событиями эволюцию (как это случилось с большинством жителей распавшейся в октябре-ноябре 1918 г. Австро-Венгрии), но и было двойственным. Из подданного венгерского (и хорватского, как считали многие хорваты) короля Франца Иосифа Габсбурга он превратился в подданного Александра Карагеоргиевича. В то же время в глубине души он был гражданином Республики Хорватии. “Так кто же мы теперь? – спрашивал он, несколько иронически обращаясь к читателям. – Австрия развалилась, следовательно, мы – больше не австрийцы. Мы – не сербы, потому что, зачем врать, если мы не являемся сербами. Мы – не югославы... Остается нам только посыпать главу пеплом и вернуться под сень своей превосходной, неоднократно оплеванной хорватской идеи...”³⁵ (Показательно, что в этом перечне отсутствуют венгры – с 1868 г. Хорватия была автономной частью Венгерского королевства).

³⁵ Там же. С. 71.

В то же время он беспощадно высмеивал различные виды панэтнической идеологии – как общеславянской, так и пангерманской. “Мы, славяне, не прочь изобразить себя такими добродушными длинноволосыми мужиками, красноносими пьяницами, веселящимися под пение частушек (вспомним Мусоргского), и часто морочим голову несведущим людям тем, как мы пьем медовуху, играем на волынках и воспеваем в лесах нашего миролюбивого бога Перуна. Нас воодушевляет тот неоспоримый факт, что от города Сень³⁶ до Владивостока нас, славян, довольно много³⁷ (это называется численным самосознанием), и по этому поводу мы рифмуем экзальтированные оды., – писал он. Писатель продолжил избранную в 1918-1920 гг. линию на развенчание этноисторических мифов и выступал против их использования для разжигания межнациональной вражды и межгосударственных конфликтов: “Германские же народы, с нашей точки зрения, – это жестокие рыцари – тамплиеры, бароны-колонизаторы, вонзающие свои копыта и мечи в наше “невинное и миролюбивое” славянское тело, прогнавшие нас из нашей полабской прародины... Война мышей и лягушек в виде германских и славянских символов продолжалась целых пятьсот лет”³⁸.

Писатель не скрывал и своих политико-идеологических пристрастий, равно как результатов обусловленных ими своих усилий: “Я [буржуазный строй] разоблачаю десять лет совершенно безуспешно”³⁹. Что же касается отношения писателя к истории, то он замечает, с одной стороны, иронизируя над “буржуазным бытом” (достижениями которого, впрочем, как показывает “Поездка”, сам охотно пользовался), с другой – играя словами: “Что касается истории, то можно заметить, что это весьма благодарная дисциплина, ибо все без исключения к ней относящееся – знаменито. (Например, квитанции, в которых мы записываем свое грязное белье – мы им не придаем значения, а через две-три сотни лет кто-нибудь напишет о них докторскую диссертацию)”⁴⁰.

Крлежа отдавал себе отчет в несовершенстве человеческой памяти (как коллективной, так и индивидуальной). Человек, с одной стороны, быстро забывает о недавних событиях, а с другой – становится жертвой присущего человеку предвзятости и целенаправленного (в особенности, если речь идет о политиках) стремления исказить прошлое.

³⁶ Сень – город в Хорватии (северная Далмация) на берегу Адриатического моря.

³⁷ В другом месте Крлежа пишет еще более издевательски: “От Аляски до Стеньевца” (Поездка. С. 70). Стеньевац – больница для умалишенных в Загребе.

³⁸ Поездка. С. 81-82.

³⁹ Там же. С. 11.

⁴⁰ Там же. С. 33

Среди сегодняшних читателей моих записок немало таких, которые многое успели забыть, а есть и те, кто в то время еще были детьми и не имеют понятия о тогдашних наших делах, не понимают всей мерзости лжи и фальсификаций, сопровождавших создание нашего теперешнего государства

пишет он, начиная рассказ о своем любимом кумире – хорватском политике-демократе конца XIX-начала XX в. Ф. Супило.

Поэтому мне кажется необходимым хотя бы в общих чертах представить картину нашей общественной жизни того времени, когда Фран Супило вышел из Коалиции с чувством глубокого отвращения и презрения, какое только может появиться у праведника по отношению к подлым ничтожествам, которые и по сей день, целых пятнадцать лет спустя, изо дня в день обливают грязью и пачкают самое представление о наших проблемах, высказываясь по-прежнему глупо, но в то же время вероломно и подло.⁴¹

Будучи художником, Крлежа стремился добиться не только знания, но и понимания и ощущения времени, ощущения жизни людей и их психологии в зависимости от происходящих событий и социального положения. Поэтому цвет и, особенно, запах он относил к своеобразным и ценным типам “исторического источника”.

Однажды, просматривая сотни и сотни фотографий, свидетельствующих о человеческой нищете, я размышлял о проблеме грусти и депрессии, о проблеме психологического эффекта, производимого цветом и запахом. В то время как объектив фотоаппарата, впрочем, как и перо репортера, ухватывает только количественные показатели, краски и запахи – это элементы, которые моделируют наши настроения и формируют некую объективную данность, создающую наши расположения, сопровождающие интенсивность переживаний. Три сотни фотографий кошмарного жилья на Завртнице или на Канале⁴² не станут таким сильным свидетельством, как запах, сопровождающий плач новорожденного в темной комнате, в помещении, где воняет гнилью и отхожим местом, потом и чудовищной бедностью. Кто сможет воссоздать обстановку человеческих жилищ с голыми столами, покрытыми клеенкой, на которых стоят старые, треснувшие чашки с хлебными крошками, намоченными в остатках кофе, квартир, оклеенных рваными, пожелтевшими газетами, с гниющими от сырости перинами, квартир, полных мышей, насекомых и мусора, – как можно создать это впечатление, не описывая цвета и запахов? Оттенки цвета и запахов относятся к тайнам жизни, все прекрасные сны и эротические воспоминания связаны с таинствами красок и ароматов, и потому фотографические снимки бедности однообразны, они нагоняют убийственную скуку безрадостной жизни, и только в контрасте с другим

⁴¹ Там же. С. 42.

⁴² *Завртница, Канал* – в 1920-е годы – окраины Загреба, где проживали наиболее бедные и опустившиеся слои населения.

цветом или запахом в нас открываются возможности восхититься или ужаснуться; только при этом в нас происходит драматическое волнение, и мы начинаем ощущать некую объективную данность как грустную и печальную, гораздо более грустную и печальную при наличии таинства света или таинства запаха. (И наоборот). Из всех таинств жизни тайна ароматов – самая печальная”,⁴³

– писал Крлежа – сторонник социального протеста в его большевистском варианте, намеренно придавая своему тексту социальную заостренность и играя на читательских эмоциях. Однако очевидно, что источники эти, несмотря на свою ценность, чаще всего крайне недолговечны; они меняются и исчезают вместе с людьми и обстановкой, их породившими. Но литература оказалась в состоянии путем описания сохранять подобные ‘живые’ многомерные изображения.

Монархия Габсбургов – образ государства и образ эпохи

В 1867 г. Австрийская империя превратилась в Австро-Венгерскую – была установлена система дуализма. Было подписано соглашение между Австрией и Венгрией (Ausgleich – Kiegyezés, нем.-венг.). Граница проходила по реке Лейт (Литава) – правый приток Дуная, и австрийская часть неофициально именовалась Цислейтанией, а венгерская – Транслейтанией. Император Франц Иосиф I Габсбург короновался в Буде венгерской короной, и стал королем Венгрии. В австрийской части он продолжал титуловаться императором. Соответственно, в Австрии правительство, представительные и государственные учреждения, железные дороги, школы, армия и т.д. именовались императорскими, а в Венгрии – королевскими. Существовало и общее правительство в составе трех министерств – военного, иностранных дел и финансов. До 1867 г. существовала аббревиатура К.к., поскольку с точки зрения Вены понятия “императорский” и “королевский” совпадали. Венгерская сторона этого не признавала, и с 1867 г. по её настоянию появился союз “und”, разделявший две части государства по принципу персональной унии и подчеркивавший их равенство. В 1868 г. было заключено венгерско-хорватское соглашение (Kiegyezés – Nagodba, венг.-хорв.). Франц Иосиф короновался только венгерской, но не хорватской, короной, и носил титул “Император Австрийский, Апостолический Король Венгрии”. Хотя он также и носил титул “король Далмации, Хорватии, Славонии”, эти королевства были составной частью венгерской короны. Формально Соглашение 1868 г. было договором двух равных субъектов – Королевства Венгрии и Триединого Королевства Далмации, Хорватии и Славонии.

⁴³ Поездка. С. 127-128.

Кроме того, Франц Иосиф носил титулы короля Иллирии, Герцога Штирийского, Каринтийского и Краинского, Загорского, Рагузского (т.е. Дубровницкого), Маркграфа Истрии, Сеньора Каттаро (Котор) и пр. Все эти земли южные славяне Монархии считали “своими”, а в большинстве из них проживали хорваты. Далмация и Истрия входили в австрийскую часть монархии, Воеводина – в венгерскую.

Отношение Крлежи и как патриотически настроенного хорвата, и как республиканца, и как коммуниста было резко отрицательным и к монархии, и к династии.

На переднем плане нашей политической жизни стояла, подобно неприступной скале, неприкосновенная в своей святости, Высочайшая и Сиятельнейшая Династия. Эта испанско-швейцарско-лотарингская фамилия, в течение долгих столетий, подобно льву, проливавшая кровь и раздиравшая земли от Толедо до Нидерландов и Франкфурга, от Сан-Сальвадора, что на далеком океане и вплоть до Белграда, несмотря на то, что в жилах ее текла нечистая лотарингская кровь, представлялась всем смертным подданным не только вечной, но и возвышенной. Подобно катехизису и стихотворениям на евангельские сюжеты из хрестоматии для начальных школ, она была выше реальности и во всех отношениях принадлежала миру сверхъестественного. Династия Габсбургов не принадлежала миру земного. И здесь, в венском Бурге, она существовала в качестве императорско-королевского представительства скрытых метафизических сил, невидимых, ирреальных миров, проявляющихся на земле через звуки органа, через таинство причастия и через тайну королевско-императорского иерусалимского суверенитета.⁴⁴

⁴⁴ *Тайна королевско-императорского иерусалимского суверенитета* – в титулатуре Габсбургов имелся титул “Король Иерусалимский”. Иерусалимское королевство возникло после Первого крестового похода в 1099 г. в Палестине и просуществовало до конца XIII в. Этот титул получил германский король (с 1212 г.) и император “Священной Римской империи германской нации” (основана в 962 г.) с 1220 г. Фридрих II (Гогенштауфен – внук Фридриха I Барбароссы и сын Генриха VI. В 1223 г. он и король Иерусалимского королевства Иоанн Вриенний заключили брачный контракт относительно будущей женитьбы Ф.Г. на дочери И.В., тогда десятилетней Изабеллы. Одним из условий этого брачного контракта был полный отказ от власти короля Иерусалимского в пользу своего будущего зятя, что было осуществлено. В 1228-1229 г. состоялся шестой Крестовый поход, который возглавил Ф.Г. Иерусалим был возвращен христианам. 18 марта 1229 г. Фридрих II был коронован в церкви Гроба Господня по обрядам Иерусалимского королевства и стал королем Иерусалимского королевства. Апостолический престол (Папа Григорий IX) не признал коронации Ф.Г., который еще до этого был отлучен от церкви. Последовала вторая анафема Папы, и император был вынужден покинуть Святую Землю и отправиться на Сицилию. Он оставался королем Иерусалимским до 1239 г. В 1244 г. Иерусалим был вновь завоеван мусульманами, а в 1245 г. Все-

Созданный Крлежей образ Австрийской монархии, образ не только государства, но и образ эпохи, перекликается своими красками и содержанием с ее образом, нарисованным его старшим современником, австрийским писателем Стефаном Цвейгом.⁴⁵

Однако восприятие монархии Габсбургов как “высшего” и “вечного гаранта постоянства” было и обманом власти и желанным самообманом ее подданных. Крлежа писал:

И вот, однажды в провинциях высокопоставленной династии стали проявляться некие центробежные силы, некие туманные стремления к самоопределению, бледные подобию национализма. Его величество седовласый кесарь Франц Иосиф, взобравшись на своего знаменитого арабского скакуна, издал небезызвестный “*Armee-Ober-Kommando Befehl*”,⁴⁶ подписанный им в главной ставке королевско-императорских войск в Хлопи, и в этом указе категорически, императивно высказался против любых попыток разъединить его армию. Этот императорский указ против разъединения королевско-императорских войск имел столь высшую, сверхъестественную доказательную силу, что вся эта проблема даже не стала предметом обсуждения в смехотворных, мещанских провинциальных парламентах.⁴⁷

17 сентября 1902 г., находясь в своей ставке в Хлопи – местечке в Галиции во время маневров австро-венгерской армии, Франц Иосиф из-

ленский собор объявил Ф.Г. низложенным с императорского престола. Однако титул “короля Иерусалимского” сохранился в титулатуре императора “Священной Римской империи” (1512-1806 гг. – “Священная Римская империя германской нации”), хотя первоначально наследственным не был. С 1273 г. германским королем и императором (начиная с Рудольфа I) несколько раз избирались представители династии Габсбургов, а с 1438 г. (Альбрехт II) корона фактически закрепилась за ними. Коронован в Секешфехерваре венгерской короной под именем Алберта. Титул “Короля Иерусалимского” принимался вместе с короной и титулом императора “Св.Р.И.” С 1804 г. последний император “Св.Р.И.” Франц II Габсбург принял наследственный титул австрийского императора, а 6 августа 1806 г. после поражений от Наполеона отказался от короны “Св.Р.И.”, и она прекратила свое существование. Владения Габсбургов стали называться Австрийской империей. Автор статьи выражает глубокую благодарность С. И. Лучицкой за неоценимую помощь в проникновении в эту тайну.

⁴⁵ “Когда я пытаюсь найти надлежащее определение той эпохи, что предшествовала Первой мировой войне и в которую я вырос, мне кажется, что точнее всего было бы сказать так: это был золотой век надежности. Все в нашей тысячелетней Австрийской монархии, казалось, рассчитано на вечность, и государство – высший гарант этого постоянства”. (Цит. по: Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 305).

⁴⁶ *Armee-Ober-Kommando Befehl* (нем.) – приказ Верховного главнокомандования.

⁴⁷ Поездка. С. 43.

дал приказ, полностью отвергавший требования оппозиции в Венгрии о введении венгерского языка в венгерских частях в качестве командного, расквартирование их исключительно на территории Венгрии, употребление исключительно национальных знамен, знаков отличий и герба, замещение командных должностей только венгерскими офицерами. Отказ принять эти требования как составную часть законопроекта о рекрутском наборе привело к обструкции в парламенте со стороны оппозиционной Партии независимости и 1848 г. во главе с сыном Лайоша Кошута Ференцем Кошутом и политическому кризису в Венгрии. Приказ был воспринят в Венгрии как оскорбление национальных чувств. Тем не менее, 12 декабря 1902 г. было заключено соглашение о продлении австро-венгерского таможенного союза до 1907 г. 12 ноября 1903 г. премьер-министром Венгрии стал Иштван Тиса, сумевший подавить массовое движение социального протеста и найти компромисс с парламентской оппозицией относительно национальных требований. В 1907 г. одна из партий, входивших в Хорватско-сербскую коалицию (ХСК) (об этом см. ниже) – Хорватская партия права, включила в свою программу сходное требование размещения хорватских полков на территории Хорватии, использования хорватского языка в качестве командного, языка обучения и военного судопроизводства. В 1924 г. представители хорватского национального в КСХС движения, в частности – Стjepан Радич, среди прочего требовали предоставить возможность солдатам-хорватам отбывать воинскую повинность исключительно на территории самой Хорватии.

Крлежа иронически-негативно относился и к династии, и к самому Францу Иосифу – “слабоумная испанская династия, сидевшая в Бурге”.⁴⁸ Он подчеркивал их интеллектуальную беспомощность и практическую неэффективность габсбургской политической культуры и традиции в целом:

Австрийские кабинеты министров составляли всякие Бинерты, Гесманы и Клари, и единственный вопрос, которым удостаивал Его Величество своего дорогого австрийского премьер-министра, состоял в следующем: не является ли евреем некий икс или ипсилон, принимающий портфель министерства почт или финансов?⁴⁹

Однако монархия Габсбургов (Австро-Венгрия) была отнюдь не “тюрьмой народов”, а сложным исторически сложившимся и просуществовавший несколько столетий этнополитическим организмом. Ее ру-

⁴⁸ Там же. С. 27.

⁴⁹ Там же. С. 45.

ководителями чаще всего были высококлассными и отлично образованными администраторами-профессионалами, некоторые из которых стали выдающимися государственными деятелями, защищавшими интересы и позиции своего государства, как они их понимали.⁵⁰ Национальные движения южнославянских народов, бывшие составной частью политической системы империи, далеко не все и не всегда стремились к ее революционному разрушению империи, что заметил даже В.И. Ленин.⁵¹

Что в глазах Крлежи представлял собой комплекс императорских дворцов в Вене Бург (Хофбург) после краха 1918 г. и выселения Габсбургов, как об их жизни, характерах и способностях свидетельствовало его внутреннее устройство и убранство?

В каждом помещении находится какой-нибудь предмет, представляющий историческую ценность. Пройдясь по этим бело-золотым распахнутым покоем в стиле рококо, так похожим на кулисы какой-нибудь оперы (например, “Пиковой дамы” Чайковского), начинаешь чувствовать себя статистом на фоне всех этих гобеленов, ваз, японских шкатулок, безвкусных кресел из палисандра и красного дерева, и остается только пожать плечами, как после прогулки по скучному музею. А ведь несколько лет назад это был вовсе не скучный музей, а реальность. В этом самом флигеле Леопольда жил слабоумный старик, уже почти мумия, он прикасался к этой конторке, он спал на своей знаменитой солдатской койке, прислоненной к стене, – все подчеркнуто просто и оставляет впечатление тяжелой пустоты.⁵²

Но не будем забывать – Крлежа наблюдатель пристрастный, и ему довелось увидеть императорский дворец уже опустевшим, покинутым хозяевами. Поэтому вышеприведенное им ощущение “цветов и запахов” с точки зрения современного историка психологически и идеологически объяснимо, но не совсем корректно и справедливо.

Крлежа сравнивал довоенную Вену – столицу огромной и влиятельной империи с Веной послевоенной – столицей потерпевшего поражение государства, лишившегося многих территорий и пытающегося

⁵⁰ Напр. см.: *Исламов Т.М.* Граф Иштван Тиса – “сильный человек” Венгрии // *Славяноведение*, 2005. – № 3. – С. 47-53 и др.

⁵¹ “Создалось чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем и чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целостности Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями! Австрия сложилась, в силу этого своеобразного положения, в двухцентровое (дуалистическое) государство, а теперь превращается в трехцентровое (триалистическое: немцы, венгры, славяне)”, – писал В.И. Ленин в 1914 г. (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 25. – С. 270-271).

⁵² Поездка. С. 32-33

выбраться из ужасной бедности большинства населения и разрухи, вызванных войной. В этот трудный момент происходило фундаментальное изменение этнического и политического самосознания – ускорило формирование австрийцев как особой этнической общности, было создано национальное австрийское государство. Однако вдохновение австрийцы (австрийские немцы) черпали и в недавнем прошлом, верность которому демонстрировала наиболее зажиточная часть австрийского общества (впрочем, не обходится и без элемента рекламы для богатых иностранных туристов):

Индивидуум, отягощенный чувством истории, такой, как, например, я, на каждом шагу чувствует в этом городе некий надлом. На первый взгляд, это все еще город Радецкого, Шварценберга, Лихтенштейна, город с имперскими надписями на латинском языке, с тяжелыми мраморными порталами банков и картелей, которые держали в руках огромные, простиравшиеся до самого Дрездена территории военных границ империи Кайзера. По улицам столицы прогуливаются дочери пребывающих ныне на пенсии советников венского двора, бледнолицые малокровные барышни с рейнольдсовскими фигурами, на низких каблуках, блондинки с прилизанными соломенно-желтыми волосами. В витринах фотографов там и сям еще можно увидеть цветные фотографии венгерских магнатов, но дворец знаменитой венской КригсшULE⁵³ стоит неоштукатуренный, грязный и пустой, с замусоленными невымытыми окнами, в то время как в Бурге точильщик точит ножницы, а в самом императорском дворце размещаются торговые агентства.⁵⁴

(Заметим в скобках, что многие офицеры австровенгерской армии – хорваты по национальности, после распада империи в 1918 г. сохранили верность Габсбургам, добровольно или вынужденно переселились в Австрию или Венгрию, где большинство из них влачило жалкое существование).

Крлеже удалось создать выразительный историко-психологический образ рядового австрийца:

Ни в чем не повинный продавец каштанов будет до поздней ночи мерзнуть здесь на углу, подобно облезлому псу – лишившемуся и хозяина, и будки. И так же, как он стоит здесь на углу рядом со своей железной жаровней на треножнике, он стоял отважно и дисциплинированно, бесконечно долго в стрелковых окопах от Луцка до Черновиц, и от Горицы до Ужока – целых четыре года.⁵⁵

Войны и отдельные сражения XIX в. – как успешные, так и окончив-

⁵³ *Kriegsschule* – знаменитое высшее военное заведение в Вене.

⁵⁴ Поездка. С. 26. Также см. С. 24

⁵⁵ Там же. С. 36.

шиеся поражением – занимали значительное место как в общеимперском, так и в австрийском национальном самосознании – Новара, Асперн, Эслинг, Кустоцца, Сольферино, Маджента.⁵⁶

Описал Крлежа и психологическую атмосферу послевоенной Вены:

Не знаю, откуда это взялось, но я уже много раз читал и слышал, что Вена – город вальса и веселья. На мой взгляд, в этом городе все печально, начиная с чадающего, желтоватого северного освещения и кончая склизким серым гранитом. А бесконечные тысячи и тысячи рабов, что страдают на улицах, выпрашивая корку хлеба!.. Изю дня в день я наблюдаю массы грустных, недовольных прохожих, а в трамвае каждый второй скрючен и сутул... Во всем дьявольские диспропорции, как между скрипучими, скрытыми под брюками железными протезами на пружинах у одних пассажиров и видом обьевшихся, астматических трутней у других.⁵⁷

Автор раздражен против Вены – бывшей столицы Габсбургов, против т.наз. буржуазного порядка, поэтому не всегда объективен. Однако противоречия жизни Вены после окончания Первой мировой войны он передает не только образно, но точно и корректно.⁵⁸

Характеристика Вены, данная Крлежей и написанная сразу же по следам событий, по настроению перекликается воспоминаниями его современника и единомышленника, деятеля Коминтерна Виктора Кибальчича (впоследствии – французского писателя Виктора Сержа), написанными много лет спустя.⁵⁹

Крлежа подчеркивал разницу в политике Австрии и КСХС. По его мнению, она, даже бедная и побежденная, по своей культуре и устремленности в будущее была выше его нового отечества:

⁵⁶ Там же. С. 27, 37.

⁵⁷ Там же. С. 37-38.

⁵⁸ Там же. С. 40-41

⁵⁹ Ср.: “Вена – город, где множество трактирчиков и распивочных, уличных оркестров, аллей с большими деревьями и нищих с шарманками, как и во всех других городах... звенят трамваи, шуршат автомобили, мелькают огни набережных, а в центре города стоят чистенькие, побеленные двухэтажные особняки с прекрасными декоративными порталами, похожими на кулисы, и здесь время остановилось, как в Дубровнике. (Поездка. С. 24). “Вена с трудом выходила из инфляционного кризиса; Австрия, констатируя невозможность жить в своих тесных границах, не теряя времени – возводила жилье для рабочих, в самых маленьких кафе играла хорошая музыка” (Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 212). — О трудном положении в Австрии после Первой мировой войны также напр. см.: *Воцелка К.* История Австрии. Пер. с нем. М., 2007. С. 345-353; *Jovanović N.* Austrija, juče i danas. Beograd, 1938. S. 13-38.

Если “Австрия” означает относительно чистый асфальт, дешевые зонтики, вежливость таможенников, которые не считают рукописи предметом контрабанды, то представляется, что Австрию можно считать некой торговой фирмой, где предпочитают работать, а не расстреливать студентов в университетах.⁶⁰

“Национальная революция южного славянства” и династия Карагеоргиевичей

Без ‘хорватских’ и ‘югославских’ сюжетов “Поездку” Крлежи представить себе не возможно. И дело не только в наличии в книге двух программных текстов, посвященных Хорватии и Королевству СХС, но и в том, что Крлежа постоянно сравнивает свою родину и другие страны. Большое внимание писатель уделил политической истории Хорватии, ее положению в империи Габсбургов и монархии Карагеоргиевичей, ее стремлению к национальной свободе, попытки обрести которую к середине 1920-х гг. так и не завершилось успехом. Несмотря на то, что монархия Габсбургов прекратила свое существование, исчезло и национальное угнетение со стороны венгров.⁶¹

Хорватское национальное движение переживало период подъемов и спадов. Наивысшими точками его подъема были революция 1848-1849 гг., а также события 1883 и 1903-1904 гг. Как воспоминания о них родственников, друзей и более широкого круга, в котором вращался будущий писатель, так и его собственные впечатления во многом сформировали мировоззрение Крлежи. События 1903-1904 гг. на фоне политического кризиса в Венгрии привели к падению режима бана (главы автономной администрации, в подчиненном положении по отношению к которому находился Сабор) Хорватии К. Куэна-Хедервари. Чуть позднее, в 1905-1906 гг. в Хорватии-Славонии развернулось широкое демократическое движение, сопровождавшееся выступлениями солидарности с русской революцией 1905-1907 гг. В этот период активизировалось формирование партийно-политической системы Хорватии в относительно развитых формах. В декабре 1905 г. была создана Хорватско-сербская коалиция (ХСК), объединившая хорватские и сербские партии на основе

⁶⁰ Поездка. С. 24.

⁶¹ Подробнее об истории национальных движений южных славян Австро-Венгрии напр. см.: Романенко С.А. Между “пролетарским интернационализмом” и “славянским братством”. Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. М., Новое литературное обозрение, 2011; Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб, Алетейя, 2001.

политики ‘нового курса’ – сотрудничества с сербским и венгерским национальными движениями, против германской политики “Дранг нах Остен”. Одним из наиболее ярких ее лидеров был хорват из Далмации Фран Супило.

Против ХСК выступила Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП, осн. в 1904; с 1919 – Хорватская республиканская крестьянская партия, ХРКП) во главе со Ст. Радичем, а также Настоящая партия права (националисты, ориентировавшиеся на Вену и династию под руководством Йосипа Франка) и клерикалы.

В 1905-1914 гг. в Хорватии неоднократно использовались неконституционные формы правления. Власти то пытались получить поддержку хорватского национального движения путем уступок средним слоям (избирательная реформа 1910 г., в пять раз увеличившая число избирателей), то прибегали к репрессиям (аресты сербов, Загребский процесс и процесс Г. Фридьонга 1909 г.), стремясь ликвидировать складывавшееся хорватско-сербское сотрудничество. Пакт ХСК с официальным Будапештом в 1910 г. вынудил Ф. Супило выйти из ее рядов, а к ее руководству в 1910-1914 гг. пришел представитель Сербской независимой партии Св. Прибичевич. В 1917-1918 гг. обострилась борьба между хорватской и сербской частями Коалиции относительно будущего статуса Хорватии в Австро-Венгрии или возможном будущем общем государстве южных славян. В ноябре-декабре 1918 г. под руководством Св. Прибичевича Коалиция поддержала образование КСХС как централистского государства и вхождение в него Хорватии.

Согласно венгерско-хорватскому соглашению Хорватия являлась “политической нацией” и получала “политическую автономию” в составе Венгрии. Формально Соглашение 1868 г. (как и австрийско-венгерское Соглашение 1867 г.) было договором двух равных субъектов – Королевства Венгрии и Тринединного Королевства Далмации, Хорватии и Славонии. В Загребе функционировали автономный Сабор (парламент) и автономное правительство, целиком подчинявшееся ‘общему’ правительству в Будапеште, по сути – венгерскому. Автономную администрацию возглавлял бан, утверждавшийся императором и королем по представлению правительства Венгрии. Правительство Хорватии состояло из трех, с 1914 г. – четырех департаментов – внутренних дел, юстиции, просвещения и церкви, а также национальной экономики.

Балканские войны 1912-1913 гг. усилили сугубо хорватские и сербские националистические настроения не только в Хорватии, но и в других южнославянских землях Габсбургской империи. С другой стороны, в Хорватии активизировались югославянски (“все южные славяне – один этнос и одна нация”) ориентированные национально-революционные

группы молодежи, применявшие террор против представителей власти (1912-1914 гг.).

Таковы в общих чертах были рамки политической жизни и культуры в Хорватии в период взросления Крлежи. Сам он довольно рано начал относиться резко критически к политической системе Хорватии, и вследствие того, что она была составной частью системы государства Габсбургов, и в силу ее неразвитости и провинциальности. Впрочем, это относилось ко всему австро-венгерскому парламентаризму. “Смехотворными, мещанскими, провинциальными парламентами” назвал он в своей книге сохранившие многие травмы расставания с феодальной структурой народные представительства в Австро-Венгрии.

К числу таких провинциальных парламентов принадлежал и наш Сабор на площади святого Марка, а имя нашего королевства упоминалось только при самых больших придворных церемониях [причем лишь на седьмом месте в титулатуре Габсбургов – *C.P.*], а Сабор наш был в первую очередь представительством слоев и сословий, в котором вирилисты – члены его по наследному праву, обладали тем же рангом, что и народные депутаты, избранные на выборах на основании партийных программ, – писал он очерке “Разговор с тенью Франа Супило”. – В нашей общественной и политической жизни, в нашем Саборе и в нашей печати неумоимо велись нескончаемые, многодневные дебаты о параграфах уголовного кодекса, о регламенте и инструкциях для Сабора, для общин и для выборов.⁶²

Такой сабор не обладал никакими реальными полномочиями, не мог принять никаких принципиальных решений и не мог добиться их выполнения, если они шли в разрез с интересами и целями Вены, династии, правящих кругов Венгрии.

Механизм деятельности хорватского Сабора на площади Святого Марка [в Загребе] был в то время весьма прост и напоминал принцип действия какой-нибудь примитивной машины. 18 мадяронов + 9 глав областной администрации (великих жупанов) + 1 радикал + икс необходимых франкофуртимашей или сербов из Независимой партии;⁶³ необходимое количество-51. (50+1!!! – число, превыша-

⁶² Поездка. С. 43, 44.

⁶³ *Мадьяроны* – лица невенгерского происхождения, путем отказа от своей национальности, языка и (иногда) веры приобретали права кровных мадьяр. В политическом смысле – партия мадяронов или унионистов была создана в 40-х гг. XIX в. из представителей консервативного крыла хорватского дворянства. Выступала за объединение Хорватии с Венгрией. После 1868 г. объединившись с Национальной партией, стала опорой режима бана К. Куена-Хедервари, жестко подавлявшего хорватское национальное движение. Ориентировалась на Будапешт и выступала за неизменность соглашения 1868 г. и сохранение системы дуализма. *Франкофуртимашии* (frankofurtimaši, хорв.) – термин возник от слова “фуртим” (furtim) – обманом, мошеннически. Первым клерикалов – хорватских националистов, так назвал югославист Й. Ю. Штрессмайер в 1904 г.

ющее половину голосов, испробованный так называемый регулятор демократии). Марионетки, сидевшие на деревянных скамейках Сабора, напоминавших школьные скамьи, а именно подкупленные евреи, графы, патриархи, радикалы и “граничары”⁶⁴ или подчинялись и голосовали за проект [автономного] бюджета – все это вместе взятое называлось “проголосовать за бюджет”, или, если эти куклы не принимали бюджет, их распускали Высочайшим рескриптом!⁶⁵

Написано много горького и справедливого, однако не будем забывать, что это был все же *автономный сабор*, а не *национальный парламент независимого и суверенного государства*.

Провинциальность вкупе с отсутствием реальной власти и продажностью приводила к тому, что политическая жизнь превращалась в поиски карьеры: “Весь мир этого поколения карьеристов вращался вокруг того, кто кого обскочит или, наоборот, окажется обойденным”.⁶⁶ С другой стороны, “люди становились унионистами [т.е. вступали в “правящую партию” или голосовали за нее – *С.Р.*] прежде всего потому, что вынуждены были бороться за кусок хлеба насущного, а потом уже из так называемых убеждений, а от унионистских убеждений до положения платного шпиона был всего один шаг”.⁶⁷

Выхода и перспектив у молодежи не было не только в Загребе, но и в Вене: “на жестком граните венских мостовых умирали наши юноши, и сколько же страданий, унижений и горя расплодилось по этим вымощенным камнем улицам, подобно ядовитому газу, отравившему молодость нескольких поколений”.⁶⁸

Впоследствии сторонники партии Й. Франка и сторонники национально-клерикальной хорватской идеологии, создали единую партию. Отсюда и название – франкофургимаша. Сербская независимая партия – одна из двух ведущих политических организаций (наряду с Сербской радикальной партией) организация сербов в Хорватии-Славонии до 1918 г. Создана в 1887 г. В 1905 г. вошла в ХСК. С 1903-1905 гг. ее лидером был Св. Прибичевич.

⁶⁴ Граничары – жители Хорватско-Славонской военной границы – области военных поселений, созданной в XVI в. для защиты Австрийской империи от нападений со стороны Османской империи. Была расположена вдоль южных границ Хорватии и Славонии, а также Венгрии (Банатская военная граница, ныне Воеводина). В 1871-1881 г. демилитаризована и объединена с гражданской Хорватией. Особенностью их самосознания была ориентация на центральную власть, что передалось и следующим поколениям. Значительную часть населения В.г. составляли сербы.

⁶⁵ Поездка. С.48-49.

⁶⁶ Там же. С. 47.

⁶⁷ Там же. С. 50

⁶⁸ Там же. С. 25.

Могли ли подобные национальное бесправие, вкуче с описанной выше бедностью, порождавшие безысходность, стать основой если не сопротивления, то хотя бы сколько-нибудь значительной оппозиции Вене, Будапешту, Загребу? Крлежа отмечал две стороны сознания хорватского общества в годы, предшествовавшие Первой мировой войне. С одной стороны: “Жизнь, общественное мнение, национальное самосознание и гордость, – все это было в то время настолько туманным и робким, вернее сказать, романтичным”. С другой –

не подлежит никакому сомнению, что наши интеллектуалы до смешного скользили по поверхности, путались вокруг сути вещей, и события влекли их за собой. Без убеждений, без воли, без знаний, без программы, без характера. Будь в людях той поры хоть какая-нибудь сила и талант, естественно, они ответили бы на беспримерное давление тех лет сопротивлением, гораздо ярче выраженным и масштабным, чем тогдашние попытки протеста.⁶⁹

“Единственным представителем реального сопротивления, который потерпел поражение даже не от монархии, не от правящих кругов Венгрии, а от мещанства, предательства”, смеси “романтизма”, “бесхарактерности” и “рабского самоуничужения”, по мнению Крлежи, был Ф. Супило. “Он предвидел следующие три варианта: ‘или хорваты победят силой своего собственного движения, или великие события в Монархии разрешат хорватский вопрос наряду с прочими проблемами, или Монархия падет в результате переворота извне’. Мы рассчитываем на все три варианта, – писал он. – Надо готовить народ, чтобы нас не застал врасплох любой поворот событий. Так думают немногие. А ведь решающий день может наступить внезапно. Позор народу, если он не будет знать, что делать. Оправдания не спасут. Тогда он сам себе подпишет приговор”.⁷⁰

Согласно собственному тезису, в который он верил долгие годы, Монархию может свалить переворот извне и что народ надо к этому готовить, ибо, если народ не воспользуется этим моментом, то народ сам себе подпишет приговор, Супило создал концепцию хорватского комитета, который должен бороться за суверенитет Хорватии. Потом наступила албанская катастрофа, последовал Лондонский пакт, обман и скандалы на острове Корфу, солунский процесс, а затем плачевная поездка Супило в Россию и безрезультатное возвращение, когда он наконец осознал, что существует православно-сербская ирредента, поддерживаемая русским православным царизмом, а до западной хорватской национальной полусферы никому нет дела, в том числе и самой этой полусфере, коченеющей на австрий-

⁶⁹ Там же. С. 45, 49-50.

⁷⁰ Там же. С. 51, 50.

ском фронте вместе с сербскими ирредентистами. Таким образом, все эти комбинации привели его к апатии и отчаянию, что произошло уже в Лондоне.⁷¹

В Лондоне находился созданный эмигрантами – югославянами из Австро-Венгрии Югославянский комитет. Используя образный ряд самого Крлежи, можно сказать, что с одной стороны, Супило поглотили “болото, топь, грязь, кошмар” хорватской и австро-венгерской политики, с а с другой – он стал жертвой “могучих обстоятельств”, от него не зависевших и изменить которые было выше его сил. Первый удар не только по Супило, но и всем национальным движениям южных славян Австро-Венгрии, нанесла Антанта.

26 апреля 1915 г. Великобританией, Францией и Россией было подписано секретное соглашение с Италией относительно условий вступления последней в войну на стороне Антанты. В качестве ‘платы’ за переход Италии из Тройственного союза на сторону Антанты, ей было гарантировано присоединение Адриатического побережья (в качестве территории Австро-Венгрии – Далмация, Триест, Горица, Истрия, а также острова Ластово, Крес и Лошинь), населенного словенцами, хорватами и сербами, входившего тогда в состав Австро-Венгрии. Это уже тогда вызвало возмущение и правительства Сербии, и Югославянского комитета. Большая часть договора, который нанес большой ущерб авторитету России, была осуществлена в рамках Версальской системы. Весной 1915 г. Ф. Супило приезжал в Россию в надежде найти поддержку своим идеям обретения Хорватией государственности. В Петрограде он узнал о заключении Лондонского договора; там он почувствовал на себе принципиальные различия в подходах югославянских либералов-федералистов и российских властей, придерживавшихся во внешней политике монархической, имперской и конфессиональной идеологии. Ее обоснованием, среди прочего, было утверждение о “вечном союзе с Сербией”, основанной на этническом и конфессиональном родстве, в то время как хорваты в большинстве своем были католиками. Поэтому поддержки в России Ф. Супило не нашел; его аудиенция у Николая II не состоялась.⁷² Затем осенью 1915 г. австро-венгерские и болгарские войска разгромили сербскую армию. Петр I Карагеоргиевич, его правительство и остатки армии были эвакуированы французским и британ-

⁷¹ Там же. С. 57.

⁷² См.: Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ): Документы из архивов царского и временного правительства 1878-1917 гг. Серия III. 1914-1917. М.-Л., 1935. Т. VII. Ч. 1. С. 263-267, 317, 479; Ч.2. С. 31, 46-47; Arhiv HAZU. J.O. Frano Supilo. 51/468.

ским флотом на остров Корфу. Отношения между королевским правительством и Югославянским комитетом были напряженными. Это объяснялось не только соперничеством двух эмигрантских центров, но и принципиально различными подходами к устройству будущего общего государства. Династия Карагеоргиевичей, премьер-министр Никола Пашич и их приближенные выступали носителями идей политического централизма и монархизма, а Югославянский комитет придерживался концепции федерализма и республиканства. Формальный компромисс между этими двумя тенденциями был достигнут в Корфской декларации (июнь-июль 1917 г.). Однако на практике он не был претворен в жизнь. Из состава Югославянского комитета Супило вышел 5 июня 1916 г. вследствие разногласий с большинством его членов. 25 октября 1917 г. он умер.

В апреле-июне 1917 г. против полковника Драгутина Димитриевича-Аписа и других офицеров, принимавших участие в государственном перевороте 1903, а также организации “Объединение или смерть” (“Черная рука”) был проведен Солунский (Салоникский) процесс. Его роль в покушении на эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 г. до сих пор дискуссионна. Полковник Драгутин Димитриевич-Апис и его товарищи были обвинены в подготовке покушения на принца-регента Александра Карагеоргиевича. Престолонаследник вместе с премьер-министром Николой Пашичем преследовали цель разгрома сильной военной организации, которую они рассматривали как возможного соперника в борьбе за власть. Кроме того, процесс стал эпизодом в политической игре, направленной на попытку заключения сепаратного мира между Сербией и Австро-Венгрией – переговоры были невозможны до тех пор, пока на свободе находились люди, которые были (по мнению Вены) ответственны за убийство в Сараево. Трое, в том числе и Д. Димитриевич, были расстреляны в Салониках в июне 1917 г. (В 1953 г. Верховный суд Сербии отменил решения салоникского суда, а обвиняемые были признаны невиновными в отношении предъявляемых им обвинений).

В 1918 г. начался распад австро-венгерского государства и его институтов, включая армию – с весны 1918 г. резко возросло дезертирство. Крестьянские выступления летом и осенью 1918 г. нередко приобретали форму захвата и раздела помещичьей земли. 5 окт. в Загребе представителями органов местного самоуправления южнославянских земель Габсбургской монархии было создано Национальное вече (совет) словенцев, хорватов и сербов, объявившее себя верховным органом власти на этих территориях. 29 октября 1918 г. сабор Хорватии принял решение о полном разрыве с Австро-Венгрией и признании верховной власти Нацио-

нального веча Государства словенцев хорватов и сербов. 1 декабря 1918 г. Хорватия вошла в состав Королевство сербов, хорватов и словенцев.

С самого начала государственный аппарат оказался под контролем великосербских кругов во главе с династией Карагеоргиевичей. Недемократический характер объединения вызвал резкие протесты как со стороны Хорватской крестьянской партии Ст. Радича, выступавшей против централистской и унитарной монархии, за самоуправление и автономию хорватских земель, так и со стороны партии права, в 1919 г. выдвинувших лозунг создания Хорватии как независимого государства. Однако по целому ряду внутри- и внешнеполитических причин достичь этого оказалось невозможным. Хорватия оказалась перед выбором: войти в состав единого государства с Сербией или же в состав Италии.

Принятая Учредительной скупщиной (парламентом) Королевства СХС 28 июня 1921 конституция закрепила господство династии Карагеоргиевичей. Административное деление ликвидировало органы областного самоуправления и затрудняло развитие несербских национальностей. Гражданские права, перечисленные в конституции, были перечеркнуты принятым ранее, 30 декабря 1920 г. декретом (“Обзнана”) о запрете Коммунистической партии Югославии (КПЮ). Молодые коммунисты предприняли несколько терактов. Они покушались на принца-регента Александра и сумели убить творца “Обзнаны” министра внутренних дел М. Драшковица. 2 авг. 1921 г. был принят Закон о защите безопасности и порядка в государстве. КПЮ и ее молодежная организация были объявлены вне закона. Национальную борьбу хорватского народа, переплетавшуюся с борьбой за демократию, политические свободы и социальные права, возглавила Хорватская республиканская крестьянская партия (ХРКП), развернувшая кампанию за федеративное переустройство государства, предоставление Хорватии автономии и провозглашение ее республикой.

Еще одной легальной оппозиционной организацией было Хорватское объединение. Она приветствовала образование общего югославянского государства, однако выступало против политики централизма с игнорированием политических и национальных прав Хорватии и хорватов, с самого начала проводившейся Александром I Карагеоргиевичем и его правительством. В самом начале 1920-х гг. Хорватское объединение поддержало требование партии Ст. Радича. Однако в дальнейшем этот блок критиковал Ст. Радича, пошедшего в 1925 г. на компромисс с белградскими властями, полагая это предательством хорватского народа. Хорватское объединение продолжало выступать за самостоятельность хорватских государственных органов в Королевстве СХС, но политических успехов не добилась. Возглавлял Объединение бывший председатель Югославянского комитета, хорват из Далмации Анте Трумбич.

Монархия Габсбургов рухнула. Пришла монархия Карагеоргиевичей. Что же изменилось? Что, по мнению Крлежи, дала “национальная революция южного славянства” (выражение В.И. Ленина) южным славянам, освободившимся от Габсбургов и создавшим свое государство на основе этнического родства народов? Что изменилось для хорватов?

Согласно взгляду автора “Поездки в Россию”, фактически ничего. Во-первых, “эти теперешние господа не просто воткнули нож вам в спину, в полном смысле слова предали вас... они загубили югославянскую идею – вот что они сделали, дорогой мой господин Супило!”⁷³

Во-вторых, “сербские ирредентисты, наконец, по стечению обстоятельств, объединившиеся с матерью Сербией, полагают, что единственная их цель состояла в том, чтобы воскресить методы здешней императорской столицы в новом, балканском варианте!”⁷⁴

В-третьих: “Триста тысяч штыков. Мы сами себя называем “великой державой”, и после Французской республики мы – вторая военная “великая держава” на европейском континенте. Прежде всего, мы – “великая держава” по отношению к нашим собственным гражданам. Наши граждане – наши “внутренние враги”.⁷⁵

В-четвертых, “место прежнего унионизма занял унитаризм”.⁷⁶

В-пятых, Св. Прибичевич⁷⁷ ныне “разделяет мнение графа Куэна о том, что свобода Хорватии – всего лишь фантом.⁷⁸ Что за дьявольщина такая – свобода Хорватии?! Единственное, что изменилось: сменились два-три человека на руководящих постах. А все остальное – как прежде. Борьба за дуализм и против дуализма. Проблема Соглашения. Параграфы Конституции. ‘Верхи’. Все осталось без изменений”.⁷⁹

Иными словами, изменилось только то, что бывшие “национальные революционеры”-югослависты, члены организации “Омладина”, с которой сотрудничал перед Первой мировой войной Ф. Супило, “теперь стали консулами, детективами и интендантами. “Омладина” сегодня рас-

⁷³ Поездка. С. 61.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 62.

⁷⁶ Там же.. С. 63.

⁷⁷ В КСХС занимал посты министра внутренних дел и министра просвещения.

⁷⁸ То есть серб Св. Прибичевич, сотрудничавший с венгерскими властями в 1913-1918 гг., и после образования Королевства СХС отрицательно относился к идее суверенитета и независимости Хорватии.

⁷⁹ Там же. С. 64.

стреливает на улицах добропорядочных граждан, если у них не укладывается в голове, что свобода – фантом, что свободы не существует. Свободы нет и быть не может, – вот лозунг “Омладины”, которая так много обещала”.⁸⁰ Таким, по мнению Мирослава Крлежи, оказался итог “национальной революции южного славянства”. Хорватия вновь не обрела свободы.

Одно из немногих отличий между двумя династиями и монархиями, которые увидел Крлежа, состояло в том, что один из символов королевской власти – дворцовый комплекс в Белграде – и Стари двор, выстроенный в 1882-1903 гг. в духе классицизма XIX в. с элементами ренессанса и античной архитектуры, и Нови двор, построенный в 1913-1918 гг. в стиле необарокко, с точки зрения вкуса уступали Новому Хофбургу в Вене (1891-1913). Судя по авторской интонации, Крлежа этим хотел подчеркнуть, Карагеоргиевичи не только эстетически, но и политически были лишь эпигонами Габсбургов.⁸¹

Образ Хорватии в новом государстве у Крлежи практически ничем не отличался от её образа времен Габсбургов и не внушал оптимизма. “Здесь – провинция! Мрачная, утопающая в грязи, унылая провинция!.. Созерцая двухэтажное кирпичное здание вокзала, деревья, лесопилки, казармы, слушая гармонику, – чувствуешь перспективу и одновременно понимаешь, что нам, со всеми нашими мещанскими интеллигентскими якобы талантами, подобными кимвалам бряцающим, никогда не перекинуть мосты к Реальности и Действительности. Надо же все-таки взяться за дело, надо выпрямиться, надо что-то предпринять”.⁸²

Но сделать это практически невозможно. “И газеты, и искусство, и политика, и ремесла, и деньги, и идеологическая фразеология, и образование, – всё это в нашем маленьком южном городе [т.е. Загребе – С.Р.] с двухэтажным кирпичным вокзалом было схвачено рельсами, телеграфными проводами и воинскими гарнизонами, как железным обручем. В Систему. В Панцирь. В Модель”.⁸³

Если же сравнивать жизнь и психологический настрой Загреба с жизнью и настроением Вены, то получается, что постимперская, потерпевшая поражение Вена, несмотря на все трудности и бедность, была в 1924-1925 гг. более живым и более устремленным в будущее городом: “Вообще же город Аграм живет своей спокойной, неизменной жизнью. Народ,

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 32.

⁸² Там же. С. 9.

⁸³ Там же. С. 10-11.

граждане, так сказать, страдают несварением желудка и пьют горькую воду, газеты пишут о ‘финансовых возможностях’ и о ‘патрициях’”.⁸⁴

Европа, Азия и славяне

Называя идею “Панславии” – единого государства всех славян, “романтической мелкобуржуазной иллюзией прошлого [XIX – С.Р.] века”, Крлежа издевался и над региональной разновидностью этой идеи – “интегральным югославизмом”: “Синтез – это югославянский народ! Кто не верит в синтетическое югославянство, тот изменник родины, и кто такого изменника родины застрелит, тот герой, мотор, инициатор объединения; тот гениальный государственный, представляющий идею объединения, как Мадзини, как Кавур”.⁸⁵ Таким образом он высмеивал попытки Карагеоргиевичей и политического класса КСХС подражать не только Габсбургам и Австро-Венгрии, но и Пьемонту, вокруг которого в 1859-1860 гг. произошло объединение Италии.

Крлежа, подчеркивая, что “Югославия – балканская страна”, тем не менее стремился ввести ее в общеевропейский контекст и показать, что развитие Балкан как региона и славянских народов ничем не отличается от развития других регионов и других народов Европы. Даже в столь специфическом аспекте, как хорватско-сербские отношения: “Один язык и две нации. Как провансальцы и эльзасцы. Как бельгийцы, как корсиканцы. Фламандцы и нидерландцы. Датчане и жители Ганновера. Шведы и норвежцы”.⁸⁶

Но где же, по мнению Крлежи, проходит граница между Европой и Азией, между Западом и Востоком? В чем она заключается и сколь высоки государственные, цивилизационные и психологические сооружения на ней? Согласно структуре книги, с этими вопросами автор столкнулся, когда проезжал по территории Польши и Литвы и Латвии и приближался к Москве.

Во-первых, где же проходит граница между Европой и Азией? Только это географические или же политические, социальные и культурные понятия? К какому миру принадлежит Хорватия? “Трудно определить, где начинается Европа, а где кончается Азия. Если Максимири, парк за-гребских кардиналов и епископов, – бидермайерская Европа, то Чули-

⁸⁴ Там же. С. 64.

⁸⁵ Там же. С. 67, 75.

⁸⁶ Там же. С. 68, 72.

нец⁸⁷ – это уже славянская прародина с деревянной архитектурой, а то, что за Чулинцем – Китай и Индия. Соломенные кровли встречаются и в окрестностях Вены, вплоть до Линца, а близ Праги на железнодорожных насыпях еще пасутся коровы” – писал Крлежа, зарождая сомнение в принадлежности славян Европе.⁸⁸ Однако раздвоенность между “Европой” и “Азией”, под чем Крлежа понимал, в частности, различие между городом и деревней, возможность и невозможность пользоваться плодами столь осуждавшегося Крлежей-публицистом “буржуазного быта”, была присуща не только Балканам, не только Загребу, но даже и Берлину: “В Берлине, например, на каждом шагу чувствуется, что современная столичная жизнь еще не настолько урбанизирована, чтобы можно было сколько-нибудь определенно говорить о победе города над Азией. Азия – это зона цыганской музыки, грязных уборных, государственных границ, где рукописи считаются контрабандой; но ведь и в Азии сегодня папиросы заворачивают в серебряную фольгу и покрывают ногти лаком, а на покрытых копотью заводах происходят классовые схватки, как и в Европе. <...> я слышал в Берлине, как возчики погоняют своих лошадей звуками “но-но“ и “тпру“, точь-в-точь как их товарищи на далеком севере, близ Вологды”.⁸⁹

С другой стороны, “по мере продвижения от Берлина к Эйдкунену, что на литовской границе, с каждым километром все больше чувствуется Азия, – такими словами начинается очерк “По печальной Литве” – <...> Из Европы с ее борделями возвращаешься назад, в паннонскую зону, как будто едешь по Балканам с юга на север. После чисто выметенных станций под крышами, с фарфоровыми табличками, музыкальными автоматами и автоматами, продающими шоколад, с огнетушителями, – открытые перроны, покрытые сажой котельные, снежная метель, бьющая по вагонному окну, скатерти со следами пролитого кофе и доллар в качестве международной валюты. На станциях белые польские орлы на красном фоне, звон кавалерийских шпор, мундиры, вооруженные люди, таможенники, границы, международное политическое положение, – о нем напоминают какие-то бревенчатые времянки, сторожевые будки и типично солдафонская обстановка, словно проезжаешь по военному лагерю”.⁹⁰

Крлежа не делал разницы между Средней Европой и Восточной, а

⁸⁷ *Чулинец* – в 20-е годы – село в предместье Загреба. Ныне – часть города.

⁸⁸ Поездка. С. 105.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 110-111.

сразу – между Европой и Азией. Однако граница между Европой и Азией была не только бытовой и психологической, но и вполне сознательно созданной политической границей. “Лига наций отгородила Балканы от России восемью рядами колючей проволоки, и, кто не верит в блокаду, пусть проедется до Москвы, этого жуткого центра большевистской заразы, огороженного восемью европейскими карантинами”.⁹¹

Чем дальше на Восток, тем более из зоны спальных вагонов углубляешься в зону оголтелого национализма и невыспавшихся людей, которые зевают от усталости и чувства беспомощности перед ударами судьбы. У них зеленоватый цвет лица, они примитивны, потому что лишены таких элементарных удобств, как розы, папиросы с золотым мундштуком, утренний кофе, отравленный желтой печатью, футболом и политикой; здесь люди живут на черной пахотной почве вместе с коровами, как скотоводческие племена, как в Чулинце, как в Азии... По мере продвижения к Востоку вам то и дело попадают люди в неустроенном первобытном состоянии, которые не движутся по проложенным рельсам, но продолжают гнить и страдать неорганизованно, испуская при этом вздохи тщетные, не урбанизированные, азиатские.⁹²

Иными словами, “символ Европы – тип, стоящий в резиновых калошах, в теплом бургерском плаще, пропитанном каучуком, покуривая и наблюдая тысячи и тысячи бледных, малокровных нищих (азиатов, тобишь пролетариев), которые вприпрыжку перебегают улицы, покрытые снежной слякотью”.⁹³ Но и Европа не едина. Есть “культурно-историческая, снобистская Европа, эстетская, аристократическая”. Но сам Крлежа описывал и другую Европу – трудящуюся, необразованную и живущую в постоянной нужде. А “За Неманом, за Вислой” – совсем иной мир – там “снесены памятники императорам, а в Андреевском зале мексиканцы и китайцы [в Коминтерне – С.Р.] дискутируют о поденной оплате и о восьмичасовом рабочем дне”.⁹⁴

На вопрос о том, где проходит граница между Европой и Азией и в чем она состоит, Крлежа ответил в 1953 г., когда, готовя свое собрание сочинений, не включил в не включил в том “Русские темы” (в нём должны были находиться все тексты “Поездки”), “О путешествиях вообще”, “Берлинские впечатления”, “Венские впечатления”, “Размышления об Азии и Европе”, “По печальной Литве” (том “Путешествия”), а также “Разговор с тенью Франа Супило” и “Мистер Ву Сан-Пэ интересуется сербско-хорватской проблемой” (том “Кровавое десятилетие”).

⁹¹ Там же. С. 111.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 108.

⁹⁴ Там же. С. 109, 110.

“Кризис живописи” просто выпал из списка. В “Русских темах” остались: “Поездка в Россию”, «В спальном вагоне Рига-Москва», “Въезд в Москву”, “Кремль”, “На далёком Севере”, “Ленинизм на московских улицах”, “Театральная Москва”, “Маска адмирала”, “Пасхальная ночь”, “Приход весны”, “В музее русской революции”, “[Несколько слов] О Ленине”.⁹⁵

Взгляд назад из 2017 г. и прогнозы писателя 1926 г.

В 1918 г. распалась Австро-Венгрия, сошла с исторической сцены династия Габсбургов. На месте единой монархии, так и не сумевшей найти в себе ресурсы для и варианты новой трансформации и попытавшейся решить внутренние и внешние межэтнические конфликты путем завоевания, возникли новые суверенные государства. Королевство СХС – государство южных славян, основанное на реальной этнической, лингвистической и культурной близости этих народов, тем не менее оказалось иллюзией, миражом. Этническая близость не смогла устранить национальное неравенство и противоречия. Новосозданное королевство не обрело ни межэтнического мира внутри, ни национального угнетения, ни стабильных границ с внешним миром. Довольно быстро обнаружилось, что югославизм – возникшая в конкретных исторических обстоятельствах идеология и психология борьбы за национальное самоопределение с внешними врагами и инациональной государственной властью, – не может служить основой для создания общего полиэтничного государства родственных народов. На протяжении всей короткой истории межвоенной Югославии (1918-1941 гг.) основной линией фронта в политической борьбе стало соперничество великосербских централистов-унитаристов и националистов из Белграда с националистами-федералистами из Загреба, Любляны, Сараево, Скопье, Подгорицы. “Национальная революция южного славянства” дважды (в 1941 и 1991 гг.) закончилась распадом созданного государства. “Славянство” уступило национальному самоопределению каждого народа.

“Славянская идея”, сыграв свою роль в обосновании правомерности и легитимности национальных движений в конце XIX-начале XX в., в 20-х – начале 30-х XX вв. годов объективно отошла на второй план. Практически во всех славянских государствах эта идея уступила место, с одной стороны, классовым и социальным теориям, а с другой – борьбе за сугубо национальное самоопределение. Парадокс состоял в том, что

⁹⁵ Krležijana. Glavni urednik Velimir Visković. Sv. 3. Zagreb, 1999. S. 170-171.

именно в странах, созданных национальными движениями славянских народов, стремившихся к освобождению из многонациональных империй, после создания общих независимых государств с преимущественно родственным составом населения, межнациональные отношения не только не гармонизировались, но постепенно приобретали все большую остроту. Славянские народы в обществе своих как этнических (хорваты, словенцы, словаки и др.), так и классовых (украинцы, белорусы – в соответствии с официальной идеологической риторикой) ‘собратьев’ в точно также стремились к равноправию и максимально возможному суверенитету, как и в государствах с господством иноэтничных общностей. Сказывались как стадияльное сходство уровней развития и исторических задач, так и унаследованная от прошлого политическая культура, а также сложившиеся традиции межэтнических отношений.

История существования одной из наследниц монархии Габсбургов – королевской Югославии Карагеоргиевичей, показывает, что борьба центробежной и центростремительной тенденций является закономерностью в развитии любого полиэтничного и многонационального государства, независимо от социально-экономического строя и политического устройства.⁹⁶ Эта борьба обусловлена самой природой каждой этнической общности, стремящейся к самоопределению. Вместе с тем, этот опыт доказывает, что этническая общность не может быть единственным субъектом государственного права.

В своей книге “Поездка в Россию” Мирослав Крлежа выступил не только в роли историка, осмысливающего прошлое, и журналиста-аналитика, описывающего и осмысливающего настоящее. Он попытался сделать и прогнозы на будущее. “Судя по некоторым признакам, буржуазная Европа гибнет, – писал Крлежа в 1926 г. соединяя идеи Ленина и Шпенглера. – Не только, потому что вся международная политика превратилась в бесстыдную торговлю принципами и идеями и проституцию ради стремления к обладанию материальными благами (макиавеллизм стал культом политиков), но и потому, что все те же симптомы вражды, учащенного пульса и тревожной вибрации от погони за даровыми барышами проявляются во всех областях духовной жизни”.⁹⁷ Однако этот прогноз, как и критика “туманных панъевропейских иллюзий какого-нибудь графа Куденхове-Калерги”,⁹⁸ оказался несостоятель-

⁹⁶ Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. Отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М., ИСБ РАН, 1995. С. 89-105.

⁹⁷ Поездка. С. 255.

⁹⁸ Куденхове-Калерги (*Coudenhove-Kalergi*), Рихард фон, граф (1894-1972) – извест-

ным. Прошло несколько десятилетий – и Европейский союз, несмотря на трагедию Второй мировой и ‘холодной’ войны, да и нынешние проблемы, создан и стал реальностью.

Однако два других прогноза – относительно России и Балкан сбылись. “Сегодня в России правит триумvirат (Бронштейн, Джугашвили, Дзержинский), а после триумvirата недалеко до эпохи первого консула”, – говорит один из его героев.⁹⁹

Другой прогноз, касающийся Балкан, на данный момент (в конце 2017 г.) можно считать сбывшимся. “Я не знаю, что будет, но люди, стоящие у власти в нашем государстве, убеждены, что история повторяется. Вы, конечно, слышали о битве при Косово? Это произошло в 1389 году.¹⁰⁰ После этой битвы пало Царство, за пятьдесят лет до того процветавшее. Затем, через пятьсот двадцать три года, Косово было отменено, и семь лет спустя Царство вновь воссияло в полном блеске, получив Конституцию в день святого Вида¹⁰¹. Если история и вправду повторится, а она, несомненно, повторяется [выделено мной – С.Р.], то через пятьдесят лет нас ожидает новое падение Царства, то-есть, в 1974 году снова будет что-то вроде новой катастрофы при Косово. Через пятьсот двадцать три года, в 2437 году, мы опять отомстим за Косово, а в 2504 году примем новую Конституцию в день святого Вида, и в ней снова запретим всякие помыслы о республике путем чрезвычайных мер, и все будет в полном порядке. Такие вот этапы предполагают люди, находящиеся у власти в нашем государстве. Но может произойти и по-другому. Подобные вопросы всегда остаются открытыми”.¹⁰²

ный австрийский политический деятель, писатель и пацифист. Один из основателей Пан-Европейского союза в 1923 г

⁹⁹ Поездка. С. 213.

¹⁰⁰ *Косовская битва* 1389 г. – 15 (28) июня, в *день Св. Вида* сербско-боснийское войско князя Лазара и его союзников было разбито османским войском султана Мурада I. В результате Сербия попала в вассальную зависимость от Османской империи. В этот же день в 1914 г. член националистической организации югославянского направления Гаврила Принцип в Сараево убил наследника австрийского престола Франца Фердинанда.

¹⁰¹ Имеется в виду победа балканских союзников, в том числе и Сербии, над Османской империей в ходе *Первой Балканской войны* 18 октября – 3 декабря 1912 г. Мирный договор был подписан в Лондоне 30 мая 1913 г. *Конституция* – конституция КСХС 28 июня 1921 г.

¹⁰² Поездка. С. 34-35.

Таков был прогноз хорватского писателя-коммуниста Мирослава Крлежи, в 1925-1926 гг. совершившего на страницах своей книги путешествие не только в прошлое Европы, но и её будущее.

Abstract

A Journey in the Space and Time. The Habsburg and Karageorgevic Monarchies through the eyes of Miroslav Krleža.

The article is devoted to one of the most interesting and complex works of the Croatian writer Miroslav Krleža "The Trip to Russia". Having gone to Soviet Russia in 1925 looking for a "new life" and a "new society", the left-wing writer and journalist published his materials in newspapers and magazines, and in 1926 he combined them into a book. The 1926 edition was never republished in its original form. The first Russian edition was published just in 2005. Croatian historians and literary critics analyzed this book exclusively on selected fragments from later editions and revised by the author. The author of this work analyzes the first edition of the book by M. Krleža as a single whole, trying to demonstrate the interconnection of his political, historical and aesthetic views of the greatest Croatian writer.

Keywords: Miroslav Krleža, the USSR, Russia, Croatia, Yugoslavia, Austria-Hungary, Central and Eastern Europe, Habsburgs, Karadorđevićs, Fran Supilo, yugoslavism